

“ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА СЕВЕРА”

О ХУДОЖНИКЕ И СКАЗОЧНИКЕ СТЕПАНЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ПИСАХОВЕ

Ирина Васильевна
ЕРЕМИНА

*Филолог, старший
научный сотрудник
Российской
государственной
библиотеки. Автор
публикаций по
рекомендательной
библиографии
художественной
литературы.*

Степан Григорьевич Писахов (1879—1960) получил вначале известность как талантливый художник, певец северной природы. Его пейзажи с успехом экспонировались не только в нашей стране, но и за рубежом. Но было бы ошибочно думать, что к писательской деятельности С. Г. Писахов пришел только на склоне лет, считая ее второстепенным занятием. Правда едва ли у нас найдется другой пример столь позднего вступления в литературу. Ко времени выхода первой публикации Писахова ему исполнилось 45 лет, к моменту появления сказочной серии “О русском Мюнхгаузене” — 55, а билет члена Союза писателей он получил в 60. Рассказывают, что когда А. Фадеев представлял “молодого” писателя, читая вслух его произведения, присутствовавшие не пытались сдерживать смех.

Увлечение живописью и любовь к художественному слову развивались в Писахове параллельно, взаимопроникая — не случайно его литературные произведения красочны и живописны, а полотна насыщены мыслью. Творческими способностями он был одарен от природы.

Степан Григорьевич Писахов родился в исстари заповедной России — в Архангельске, где всегда знали цену корабельному, плотницкому, столярному и кузнечному искусству, жемчужному шитью, иконописи, берестяной резьбе и, конечно, песенному мастерству и складной, певучей обиходной речи. Его отец, выходец из Белоруссии, занимался ювелирным и граверным делом, мать, родом из пинежских поморов, ревнителей чистых бытовых традиций и строгих этических норм, воспитывала мальчика в духе строгой морали. Его двоюродный дед Леонтий славился своими сказками, за что получал на промыслах лишний пай. Кто знает,

может быть, именно от него Писахов и унаследовал свой литературный дар.

Еще шестилетним мальчиком он начинает создавать рельефные пейзажи из глины и папоротника, в отроческие годы много рисует, придумывает и рассказывает сказки, в юношестве — овладевает кистью, следуя советам старшего брата живописца-самоучки Павла.

Он рос среди сказок, упиваясь музыкой народной речи, хотя и не сразу осознал литературную важность этого жанра, считая его слишком традиционным и исконно устным. Писахов продолжал сочинять сказки и будучи взрослым человеком хранил их в памяти, любил слушать, когда рассказывали другие.

Две страсти — живопись и слово — с юных лет владели его душой. Он часами любовался морем, северным небом, освещенным праздником зари... Все это хотелось не только удержать в памяти, но и показать другим.

Закончив в двадцать лет городское училище, Степан Писахов пытается поступить в Казанскую художественную школу, но по подозрению в революционной деятельности вместе с группой студентов попадает под арест и проводит две недели в тюрьме, после чего возвращается в Архангельск. Надежда стать художником рушится, но юноша с еще большим упорством продолжает самостоятельные занятия и в 1901 г. успешно поступает вольнослушателем в Санкт-Петербургское центральное техническое училище рисования барона Штиглица, в то время достаточно престижное учебное заведение. Он успешно рисует по обязательной программе, хорошо сдает экзамены, целиком поглощен любимым делом, но ему окончить курс не удается. События революции 1905 г. всколыхнули студенчество. Писахов, хотя и не считал себя особо революционно настроенным, но все же не мог оставаться в стороне — он выступил с пламенной речью в защиту отечественного искусства. Этот поступок был высоко оценен сокурсниками, но сурово наказан властями — Писахова исключили из училища без права на продолжение образования в России. Чтобы избежать более серьезных репрессий, юноша отправляется на Новую Землю. Здесь он живет среди ненцев и счастлив, отдаваясь общению с этими добрыми и очень доверчивыми людьми. Здесь, возле океана он испытывает ни с чем не сравнимое состояние единения человека и Земли. Однако это

продолжается недолго. Деятельный и любознательный, Писахов решает совершить паломничество через Черное море на Ближний Восток. Для путешествия ему требовались немалые деньги — и он взялся за переписку монастырских книг. Через полтора месяца нужная сумма заработана и юноша отправляется в свою восточную “Одиссею”. Но и здесь его свободолюбивая, пылкая натура не может смириться с восточными правилами и порядками. Ему запрещают писать султанский дворец. Но он не сдается. Прodelать столь трудный путь и не запечатлеть такую красоту! В итоге — арест за непослушание, хотя и недолгий, но он все же добивается разрешения писать с натуры по всей Турции, кроме Хаврона. Именно туда он и отправляется, тайно пишет этюды библейских памятников, чем впоследствии поразит художников Петербурга. Неугомонный искатель приключений, он в одиночку отправляется к Мертвому морю, не слушая предостережений о грабителях, не взяв с собой пистолет: “Без оружия я смогу себя защитить, а вот с оружием — едва ли”. Но судьба ему благоволит: он знакомится с арабом, который оберегает его все время рискованного путешествия.

В Петербург Писахов возвратился весной, когда уже сошел снег, которого не было и в Архангельске. Но он не может существовать без снега и потому отправляется торговым пароходом в Мурманск. Здесь снежные сугробы обступают его со всех сторон. Он жадно дышит зимним воздухом и по-настоящему счастлив.

Писахов не мог жить без Севера, и Север не мог без него. Вновь и вновь он приезжал на Новую Землю, путешествовал по Северному Ледовитому океану, в качестве члена научных и поисковых экспедиций плавал с исследователями Арктики Д. Рудневым и В. Русаковым, участвовал в поисковых экспедициях Г. Седова, Р. Амундсена и др., в рейсах по Карскому морю, в первых экспедициях по установке радиостанций на Севере. Писахов посетил многие места на Мурмане, Печоре, Онеге, Пинеге, Мезени, и всегда с ним была папка, куда он аккуратно складывал свои рисунки. Их было не очень много — на художество почти не оставалось времени, но когда его взор поражало увиденное, непременно появлялся рисунок, затем второй, третий... В молодом архангельце жил

беспокойный дух художника, ценителя красоты и жизненной правды.

В 1909—1910 гг. Степан Писахов жил в Париже, где некоторое время занимался живописью в Свободной академии. Но любимый Север манит его обратно, и, вернувшись на Родину, он вновь с упоением пишет близкие ему пейзажи. В это же время он углубленно изучает творчество русских и мировых классиков живописи. Из русских пейзажистов наиболее близким ему по мироощущению был живописец русской осени И. Левитан. Его творчество во многом обогатило самородное дарование Писахова. Из западных живописцев молодой художник предпочтение отдавал Ван-Дейку. Приезжая в Петербург, Писахов часами бродил по Эрмитажу, любуясь полотнами мастеров, постигая природу живописи.

Постепенно число его картин и этюдов росло, мастерство совершенствовалось. Все это нашло отражение в первой выставке Степана Писахова “Русский Север”, которая была организована в Архангельске в 1910 г. Некоторые из представленных на ней 234 работ уже были известны в профессиональном мире. И. Репин, посетив выставку, отметил полотно “Сосна, пережившая бури” и пригласил Писахова для работы в свою мастерскую. Талант художника был признан и за рубежом. Картина “Серебристый день”, выставленная им в Риме, вызвала всеобщее восхищение своей особенной северной тональностью.

Север продолжал дарить Писахова мудрым пониманием простого и главного в человеческой жизни. Художник работал не покладая рук, и на его полотнах поднимались ледяные купола Земли Франца-Иосифа, мрачные фиорды. Он первым в русской живописи создал картину, запечатлевшую с натуры аэроплан в Арктике, — “Самолет Пагурского на Новой Земле” (1914). В течение пяти лет Писахов самозабвенно создавал пейзажи Белого моря. О нем заговорили уже как о мастере, создателе русского живописного пейзажа Крайнего Севера. Видные литераторы Л. Леонов, Б. Шергин, И. Эренбург и другие отмечали, что “большое собрание” картин Писахова для знакомства с Севером представляет “ценнейший и незаменимый” материал.

Таковыми же ценнейшими и незаменимыми позднее станут его сказки. Литературным творчеством Писахов увлекся в начале 1920-х гг. В 1924 г. в сборнике “На Северной Двине” была напечатана

Титул книги С. Писахова
“Месяц с небесного чердака. Сказки”.
Рис. А. Флоренского. (Л., 1991)

его первая сказка “Нéлюбо — не слушай...”. Поразительно, что она сразу же “прижилась” на эстраде, исполнялась по радио и стала почти народной.

Литературная и художественная деятельность Писахова теперь развиваются как бы параллельно. В 1928 г. в Москве организована персональная выставка живописных работ Писахова, в 1938-м вышел сборник его сказок. Вот некоторые отзывы писателей, посетивших выставку его картин: “Ваши картины заставляют полюбить Север еще сильнее” (И. Ермилов), “Для меня — он живая одухотворенность этого замечательного и столько художников пленившего края” (В. Лидин), “Без Вас не мыслю Севера...” (Л. Леонов), “Выставка была для меня приглашением на Север. Спасибо доброму архангельскому колдуну” (С. Маршак).

Эти же писатели с восторгом приняли его литературное творчество.

Степан Писахов написал всего одну книгу — книгу сказок, которая навсегда вошла в золотой фонд отечественной литературы. Оставив живописи, он не изменил своему художественному призванию — и краски русского Севера воплотились в искусстве слова. В сказках

Писахова — тот же блеск долгих утренних зорь, вечерних закатов, та же ночная игра Северного сияния, что и в его художественных полотнах. Только теперь живопись соединилась с поражающим воображение вымыслом. По словам одного из критиков, сказки Писахова: *“...это цветы, любовно взращенные на стыке двух словесных культур”*. Они как бы вплетены в одно большое художественное полотно. Это поэма о Севере. Внутренняя целостность достигается не только единством материала, но и целостностью рассказчика, жителя деревни Уймы — Сени Малины. Он очарователен, трудолюбив, доброжелателен. Он душевно красив. Чувство красоты присуще ему органически, так же как свойственны ему и другие коренные черты поморов: открытость, добротность, немелочность.

Уже пожилым человеком повстречал Писахов в деревне Уйма, недалеко от Архангельска, сказочника С. И. Кривоногова. Он и стал прообразом Сени Малины, от лица которого написаны все сказки Писахова. Да Писахов и сам был мастером-сказочником. Полушутя-полусерьезно он говорил: *“В сказках не надо сдерживать себя — врать надо вовсю”* или: *“Сказка вся — больше врать нельзя”*.

В отличие от Иванушки-дурачка, любимого героя русских народных сказок, который на каждом шагу находит себе помощников, Сеня Малина — сам великий умелец. Он все умеет делать: ловить рыбу, собирать ягоды, охотиться, рыбачить на “железке”, править пароходом, торговать на базаре. Работает он весело, с азартом, “в десять рук”, изобретательно. Так, в сказке “Яблоней цвел” Малина щедро наряжает всех баб и девок в удивительные обновы — в платья из зеленых листьев, и городские барышни от зависти не находят себе места. Малина не думает о мелком обогащении. Для него счастье — жить для других, приносить радость и пользу народу. Он набивает целый дом треской, чтобы всей деревне хватило (“На треске гуляли”). Малина — образованный сказочный герой. Он знает, что дождь посылает не Бог, что земля круглая и вращается. Сеня Малина не кончается в прошлом. Он живет в настоящем и будет жить в будущем. В нем выражена авторская мысль о человеке титанических духовных сил, творческим планам которого нет границ. С особенной художественной выразительностью образ Малины — народа дан в сказке “Сплю у моря” — поэма о величии и силе природы.

В отличие от сюжетной сказки Писахов не столько был занят передачей действия, сколько обработкой каждой отдельной сюжетной ситуации. Для него важны каждое слово, каждый оборот. Поэтому его сказки нельзя читать, следя только за событиями, их нельзя читать торопливо, потому что автор специально сохраняет в сказках колорит местной архаической речи, отличающейся от литературной. К стилистической манере Писахова — мастера устного сказа надо привыкнуть. На первых порах его пытались даже редактировать, мотивируя это тем, что в его сказках много устных слов, которые в печати не употребляются. Но, как пишет в своей книге “Люди и встречи” Лидин: *“...слава Богу поняли и отстали”*. Сказки Писахова со всеми особенностями архангельской речи надо принимать такими, какие они есть. Наличие в них диалектов, выражений — это не прихоть автора, а дополнительное средство художественной выразительности. Это поистине кладовая великорусской северной речи, сокровищница народных языковых жемчужин, приумноженных образными словами самого писателя. Язык народа был его родной стихией, средством поэтического мышления. Взять, например, сказку “Апельсин”, которая начинается так: “Да вот ехал я вечером на маленьком пароходишке. Река спокойнѣхонька, воду пригладила, с небом в гляделки играет — кто кого переглядит. И на них загляделся. Еду, гляжу, а сам апельсин чищу и делаю это дело мимодумно...” Для архангельцев такой текст привычен, да и слово, придуманное Писаховым — “мимодумно”, тоже не требует дополнительных пояснений. Придумывание новых слов — еще одна отличительная черта творчества Писахова. Еще один талант, которым он был наделен. Демьян Бедный назвал Писахова “словесным колдуном”. Его часто называли Бажовым Севера, но это неверно. У каждого художника свой мир. Писахов — это одухотворенное зеркало Севера, но как поэта его сформировала студеная земля Беломорья.

Верность автора натуре в изображении жизни народа, стремление к правде, безошибочное художественное чутье привели к парадоксу: сказочный, выдуманный Малина воспринимается как герой реальный, живой, очень близкий нам по своей сути. Дело в том, что сказочность Писахова условна. Вымысел, опирающийся на всестороннее знание

жизни, — ценнейшее средство эстетического освоения действительности, которым мастерски владел автор. Успех любого произведения зависит от правильно выбранного сюжета. Писахов мастерски владел тайнами сюжетного построения. Он не повторял известных сказочных фабул, а создавал новые, самобытные, порой очень хитроумные и неожиданные. Отличительная черта сюжетов его сказок — правдоподобие, логическая оправданность. Возьмите любую сказку Писахова. Нет, это не обычное фольклорное произведение. У каждой его сказки свое лицо, свой голос, свои краски, своя интонация. Писахов вплетает в круг сказочных произведений множество предметов и явлений. Один из наиболее излюбленных его приемов — овеществление сложных природных явлений, отвлеченных понятий. Достаточно вспомнить, как Малина охаживает носом тепло, сушит Северное сияние, рубит топором туман. Сам Малина гиперболизируется до того, что порой теряет земные очертания: он гостит сразу в двух гостях, он артелью выходит на работу, артелью садится за стол. У него все-го без меры: и пыла, и умения, и удали.

В сказках Писахова всюду — мажор, веселость, упоение жизнью, а его фантазии — дар счастливый, достигающий поэтической силы. Как будто про него говорил И. Бунин: *“...ведь выдумывать и уметь сказать хорошую нелепость, хорошую шутку могут только умные люди, те, у которых ум “по всем жилушкам переливается”*”. Писаховская фантазия — дар исключительный. Малиновый солнечный свет вмерзает в снежные столбы, и их полыхание всю ночь озаряет деревню, превращая даже старух в маковые цветы. А чего стоит затея с обдиранием запаха лимона и его отправкой вагонами из Астрахани в Москву. Даже чайки у Писахова волшебные. Они описывают в тумане крыльями узор, который перенимают кружевницы. А тепло? Его таскают из печи, словно хлеба, им торгуют с лотка. А если есть необходимость, то народ и тучи перетаскивает на вилах на засушливые поля. Правильно, чего ждать милости от природы!

И еще об одной особенности писаховских сказок: они не укладываются в общепринятую классификацию — о животных, волшебные, авантурные, сатирические, бытовые и т. д. Сказки объединяют в себе все эти элементы, однако в них нет ведьм, нечистой силы,

чертей, леших, домовых. Ведь их герой — Сенья Малина — не верит ни в Бога, ни в черта, а только в свои всемогущие руки и крепкий разум. А еще сказки Писахова своеобразны в композиционном отношении. В них нет традиционных приключений, зачинов, концовок и повторов. Они завораживают своей манерой разговора “по душам”. Малина часто обращается к читателю, советуется с ним, задает вопросы, приглашает в гости. Но как бы ни развивался сюжет в сказках Писахова, финал их всегда оптимистичен, жизнеутверждающ.

Писахов не укладывается в сказки им написанные, в картины им созданные. Вспоминают, что кто бы ни приезжал в Архангельск, обязательно приходил к Писахову — живой легенде Севера. Часто писатель шутил: “Сначала осматривают Архангельск, потом меня”. Он родился и прожил всю свою долгую жизнь в Архангельске, на Печорской улице. *“Я — великан. Рост одинаковый с Наполеоном”*, — говорил он о себе. Он был чудачком, но чудачком с огромной культурой, которая сочеталась в нем с непосредственностью младенца.

В 1930-е гг. Писахов преподавал в 3-й Архангельской школе рисования и в день зарплаты всегда устраивал для учеников пир. Он занимался с ними не только в школе, но и дома — выставлял для них гипсовые фигурки, и пока те рисовали, сказывал гомеровский эпос, рассказывал свои сказки. Он учил их высоко мыслить, широко мечтать и изо всех сил стремиться к осуществлению своей мечты.

В преклонном возрасте Писахов стал походить на помора: глаза утонули в бровях, седая грива, белые усы... Всегда открыт для народа и, несмотря на возраст, очень общителен и любознателен. До последнего дня своей жизни он творил, был деятелен, всем интересовался, ходил в театр, на концерты. Каждое утро, подходя к мольберту, повторял: “Перестать работать — значит хворать!” И вновь зажигался очередной идеей. Он не поддавался старости, хотя и продолжал писать сказки и новеллы о стариках. Он умел радоваться всему: выстроили новый дом — радовался за тех, кто получил в нем квартиру, вышла книга молодого писателя — спешил от души поздравить коллегу. Он был прозорлив, безошибочно чувствуя дурные и хорошие стороны человека.

Незадолго до смерти Писахов работал над новой сказкой “Как я встретил

новый двухтысячный год". Он не думал о смерти, он верил в Завтра, прославляя его в своих сказках. Своим фантастическим вымыслом Степан Григорьевич Писахов украшал жизнь. В нем жили вечное детство и вечная радость, которыми он щедро делился с людьми.

Ниже публикуем две сказки С. Писахова.

НЕЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Про наш Архангельский край столько всякой неправды да напраслины говорят, что придумал я сказать все, как есть у нас. Всю сущую правду, что ни скажу — все правда. Кругом земляки, соврать не дадут. К примеру, река наша Двина в узком месте тридцать пять верст, а в широком — шире моря. А ездили по ней на льдинах вечных. У нас и ледяники есть. Такие люди, которые ледяным промыслом живут. Лдины с моря гонят да дают в прокат, кому желательно.

Запасливы старухи в вечных льдинах проруби делали. Сколько годов держится прорубь!

Весной, чтобы занапрасно льдина с прорубью не таяла, ее на погребницу затаскивали — квас, пиво студили. В стары годы девкам в придано первым делом вечную льдину давали, вторым делом — лисью шубу, чтобы было на чем да в чем за реку в гости ездить.

Летом к нам много народу приезжают. Вот придут к ледянику да торговаться учнут, чтобы дал льдину получше, а взял бы по три копейки с человека. А трамвай в те поры брал пятнадцать копеек.

Ну, ледяник ничего, для виду согласен. Подсунет дохлую льдину — старую, иглистую, чуть живую (лдины хоть и вечны, да и им век приходит).

Приезжи от берега отъедут верст с десяток, тоже как путевые песню заведут. Наши робята уж караулят — крепкой льдиной толкнут, стара-то и сыпаться начнет. Приезжи завизжат: "О, тонем, ой, спасите!"

Ну, робята подъедут на крепких льдинах, обступят: "По целковому с рыла, а то вон и медведь плывет, да и моржей напустим!"

А мишки белы с моржами вроде как на жалованье али на поденшине — свое

дело знат. Уж и плывут. Приезжи с перепугу платят по целковому. Впредь не торгуйся! А мы-то сами хорошей компанией найдем льдину. Сначала пешней попробуем, сколько ей годов, узнаем, коли больше стане, возьмем, коли сотни нет — значит, к делу гожа; у нас и старики, которым меньше ста, козырем ходят.

На льдину сядем, парус для скорости поставим, а от солнца зонтики растопырим, чтобы не очень припекало. У нас летом солнце-то не закатывается: ему на одном месте стоять скучно, ну, оно и крутит по небу. В сутки раз пятьдесят обернется, а коли погода хороша да поветерь, то и семьдесят; коли дождь да мокреть, так солнце отдыхает, стоит. А на том берегу всяка благодать, всячески благорастворение. Морошка крупная, ягоды по три фунта и боле, и всяка друга ягода.

Семга да треска сами ловятся, сами потрошатся, сами солятся, сами в бочки ложатся. Рыбаки только бочки порозны к берегу подкатывают да днища заколачивают. А которая рыба побойче — выпотрошится да в пирог завернется. Семга да палтусина ловче всех рыб в пирог заворачиваются. Хозяйки только маслом смазывают да в печку подсаживают.

Белы медведи молоком торгуют — приучены. Белы медвежата семечками и папиросами промышляют. Птички всяки чирикают: полярны совы, чайки, гаги, гагарки, гуси, лебеди, северны орлы, пингвины.

Пингвины у нас хоть не водятся, но приезжают на заработки, с шарманкой ходят да с бубном, а ины облизыной одеваются, всяки штуки представляют, им и не пристало облизыной одеваться — ноги короткие, ну, да мы не привередливы, нам хоть и не всамделишна облизына, лишь бы смешно было.

А в большой праздник да возьмутся пингвины с белыми медведями хороводы водить, да еще вприсядку пустятся, ну, до уморенья! А моржи да тюлени с нерпами у берега в воде хлопают да поуркивают — музыку делают по-своему.

А робята поймают кита али двух, привяжут к берегу и заставят для прохладнения воздуха воду столбом пускать. А бурый медведям ход настрого запрещен. По-зажилью столбы поставлены и надписи на них: "Бурый медведям ходу нет".

Раз вез мужик муку мешок. Это было вверху, выше Лявли. Вот мужик и обронил мешок в лесу. Медведь нашел, в муке вывалялся и стал на манер белого.

Сташил лодку да приехал в город: его водой да поветерью несло, он рулем ворожал. До рынка доехал, на льдину пересел. Думал сначала промышлять семечками да квасом, а как разживется, и самогоном торговать. Да его узнали — как не узнать? — обличье-то показало! Что смеху было! В воде выкупали. Мокрехонек, фыркает, а его с хохотом да с песнями робята за город прогнали.

Медведь заплакал от обиды. Народ у нас добрый: дали ему вязку калачей с анисом, сахару полпуда да велели кой-когда за шаньгами приходить.

МОРОЖЕНЫ ВОЛКИ

На что волки вредны животны, а коли к разу придутся, то и волки в пользу живут. Дело вышло из-за медведя.

По осени я медведя заприметил.

Я по лесу бродил, а зверь спать собирався. Я притаился за деревом, притаился со всей неприметностью и поглядывал.

Медведь на задни лапы выстал, запотевался, вовсе как наш брат мужик, когда на печку али на полати ладится. Мишка и спину, и бока чешет и зевает на всю пасточку: ох-ох-охо! Залез в берлогу, ход хворостиной заклад.

Кто не знат, ни в жизнь не сдогадается.

Я свои приметины поставил и оставил медведя про запас.

Зимой я пошел проведать, тут ли мой запас медвежий?

Иду себе, барыши незаработанны считая.

Вдруг волки! И много волков.

Волки окружили. Я до того не замечал холоду, и было-то всего градусов сорок с малым, а тут сразу озяб.

Волки зубами пощелкивают. Мороз крепчать стал, до ста градусов скочил. На морозе все себя легче чувствуют, на морозе да при волках я себя очень легко чуял. Подскочил аршин на двадцать пять, за ветку ухватился. Дерево потрескивает на холоду, а мороз еще крепчат. По носу слышу — градусов на двести!

Волки кругом дерева сидят да зубами пощелкивают, подвывают, меня поджигают, когда свалюсь.

Сутки провисел на дереве. И вот зло меня взяло на волков, в горячность бросило.

Я разгорячился! Да как разгорячился, что бок ожгло! Хватил рукой, а в кармане у меня бутылка с водой была, так вода от моей горячности вскипела.

Я бутылку вытащил, горячего выпил, ну, тут-то я житель, с горячей водой полдела висеть.

На вторые сутки волки замерзли, сидят с разинутыми пастьями. Я горячую воду допил и любешенько на землю спустился.

Двух волков шапкой надел, десяток на себя навесил заместо шубы, остатных волков хвостами связал, к дому приволок. Склад костром под окошком.

И только намерился в избу идти — слышу: колокольчик тренькает да шаркунки брякают.

Исправник едет!

Увидел исправник волков и заорал дико (с нашим братом мужиком исправник по-человечески не разговаривал):

— Что это, — кричит, — за поленища?

Я объяснил исправнику:

— Так и так, как есть это волки морожены, — и добавил: — Теперь я на волков не с ружьем, а с морозом охочусь.

Исправник моих слов в рассуждение не берет, волков за хвосты хватает, в сани кидает и счет ведет по-своему:

— В счет подати,
в счет налогу,
в счет подушных,
в счет подворных,
в счет дымовых,
в счет кормовых,
в счет того, сколько с кого,
это для начальства,
это для меня,
это для того-другого,
это для пятого-десятого,
а это про запас!

И только за последнего волка три копейки выкинул. Волков-то полсотни было.

Куда пойдешь — кому скажешь?

Исправников-волков и мороз не брал.

В городе исправник пошел лисий хвост подвешивать.

И к губернатору, к полицмейстеру, к архиерею и к другим, кто поважней его — исправника.

Исправник поклоны отвешивает, ножки сгибает и говорит с ужимкой и самым сахарным голосом:

— Пожалте мороженого волка под ноги заместо чучела.

Ну, губернатор, полицмейстер, архиерей и други прочи сидят, важничают — ноги на волков поставили.

А волки в теплом месте отогрелись,
отшли и ожили.

Да начальство за ноги! Вот начальство
взвилось. Видимость важну потеряло
и пустилось вскачь и наубег!

Мы без губернатора, без полицмейстера
да без архиерея с полгода жили —
отдыхались малость.

Произведения С.Г. Писахова

1. Сказки Писахова. — Архангельск: Архоблгиз, 1938. — Кн. 1. — 64 с.
2. Сказки Писахова. — Архангельск: Архив, 1940. — Кн. 2. — 148 с.: ил.
3. Сказки Ст. Писахова / Ил.: Ю. Данилов. — Архангельск: Арханг. изд-во, 1949. — 36 с.: ил.
4. Сказки / Ил.: И. Кузнецов. — М.: Сов. писатель, 1957. — 172 с.: ил.
5. Сказки / С крат. биогр. справ.; Ил.: Ю. Данилов. — Архангельск: Кн. изд-во, 1959. — 164 с.: ил., портр.
6. Как поп работницу нанимал. Старинная пинежская сказка. Для мл. шк. возраста. Ил. А. Сазонов. — М.: Малыш, 1966. — 15 с.: ил.
7. То же. — 2-е изд. — М.: Малыш, 1968. — 15 с.: ил.
8. То же. — 3-е изд. — М.: Малыш, 1971. — 15 с.: ил.
9. То же. — 4-е изд. — М.: Малыш, 1973. — 15 с.: ил.
10. То же. — М.: Малыш, 1975. — 15 с.: ил.
11. То же. — М.: Малыш, 1980. — 14 с.: ил.
12. То же. — М.: Малыш, 1983. — 15 с.: ил.
13. То же / Худож. С. Суюхин. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. — 15 с.: ил.
14. То же / Худож. А. Сазонов. — М.: Малыш, 1988. — 15 с.: ил.
15. Сказки / Предисл. Ш. Галимова; Ил. В. С. Вежливцев. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969. — 191 с.: ил.
16. Сказки / Для мл. и шк. возраста; Худож. В. С. Вежливцев. — Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. — 15 с.: ил.
17. Сказки / Вступ. ст. Ш. Галимова. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1977. — 140 с.; портр.
18. Сказки / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А. А. Горелов; ил. Г. Бурмагиной. — М.: Сов. Россия, 1978. — 207 с.: ил.
19. Сказки / Для сред. и ст. шк. возраста. (Вступ. ст. И. Пономаревой). — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978. — 12 с.: ил.
20. Сказки / Степан Писахов, Ил. Г. Н. Бурмагиной. — Ижевск, Удмуртия, 1982. — 250 с.; ил.
21. Сказки / Для сред. и ст. возраста. Предисл. В. П. Аникина, ил. М. Федорова. — М.: Дет. лит., 1984. — 64 с.: ил.
22. Месяц с небесного чердака: Сказки / Для сред. и ст. возраста. Вступ. ст. А. Горелова; ил. А. Флоренского. — Л.: Детлит, 1990. — 190 с.: ил.
23. То же. — Л.: Детлит, 1991. — 190 с.: ил.
24. Сказки / Для дошк. возраста. — Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1990. — 29 с.: ил.

